

День за днем.

Начальник штаба маршала Фоша генерал Вейгант назначен верховным комиссаром Франции в Сирии, вместо вышедшего в отставку генерала Гуро. Последний возвращается во Францию и получает назначение членом верховного высшего военного совета.

Национальный совет французской социалистической партии созывается на особую сессию, которая состоится 13-го мая. В порядке для, между прочим, следующие вопросы: империалистический мир и задача рабочего класса, а также международная борьба против международной реакции.

Между английским банком и Вапли де Енис заключено соглашение о погашении последним предоставленного ему в 1916 году кредита в 60 миллионов франков. Кредит должен быть погашен в течение семи лет.

Придуманный Муссолини праздник предполагаемого дня основания Рима прошел 21 апреля без инцидентов. Праздновство имеет целью отвлечь внимание рабочих от интернационального праздника 1 мая. Соглашения между рабочими и предпринимателями о первомайском праздновании были отнесены к 21 апреля.

Президент американской палаты представителей высказался в защиту предложение президента Гардинга об участии Соединенных Штатов в международном судебном трибунале в Гааге.

Английская нижняя палата отклонила 236 голосами против 14 законопроект о запрещении употребления спиртных напитков в Англии.

В Норвегии (Англия) закончилась забастовка сельскохозяйственных рабочих. На основании достигнутого соглашения сельского хозяйства обязались выплачивать зарплатную плату в размере 25-ти шиллингов за 50 рабочих часов в неделю.

В Париже скончалась вице-президент французского сената Александр Берар. Смерть последовала от разрыва сердца.

Софии крупному немецкому концерну предъявлены концессия на сооружение поэтического немецкого театра.

Больной город. Дания обратился к

Лиге Наций с жалобой на польских правильством, которое выселяет русских беженцев в Данциг и затем отказывается допустить их обратно в Польшу.

В близлежащем дне в Дрездене возобновляются в полном объеме переговоры между Германией и Польшей, прерванные на кончине пасхальных праздников.

столичные, скромные и элегантные. Так было раньше. А теперь... Танцы, г. Чхенде обивает пороги иностранных правительства, просит их, — чтобы выпустить имплементы правительства, — по прежней терминологии г. Чхенде империалистические и капиталистические присланы бы известное число «племенников буржуазии», т. е. солдат и иностранными

прекрасно знают.

Знают, но хитроумно выдвигают многозначительно-туманную форму: пока еще, мол, подтверждений нет; потерпите денек.

Так «спокойствуют» требования четырех народных масс прекращения фарса и о наложении нормальных отношений с Россией.

Под стеклянным небом.

Жулябия в серых полосатых брюках и обитой вытесанным махом, с побольшим макушечком руках. Физиономия словно поклонами искушания и между толстыми губами жеванная папироска.

Мимо блестящего швейцара просунулась фигура. В серой пингвине и в фурье с треснувшими подолями козырьком. Не лице беспокойство, расстроенность. Самогонный нос. Несомненно курьер из какого-то штаба учреждения. Жулябия, мотнув глазами, зашаркал резиновыми галошами и подсунулся к курьеру.

— Что продаешь?

— Обитанию... — ответил курьер и разжал кулаки. Из него выплынула сизая облакация.

— Почем? — жулябина глаза свинтились в облакацию.

— Сто дешь... — квакнул, заинтриговавший курьер. Босые ножки свернулись в глазах у распухшему лицу.

— Сынок! — лицо у тебя, вот что я тебе скажу, — заговорила жулябия, — за лицо тебе предлагают: девяносто рубликов. Желаешь? Другому бы не дал. Но ты мне понравился.

У курьера рот от изумления стал круглым под мочалками усами. Он машинально повернулся к зеркальноому окну магазина, ища в нем своего отражения. Веселые огни заиграли в жулябинских глазах. Курьер отразился в зеркале во всем очаровании своего симпатичного лица под перевязанным козырьком.

— По рукам? — стремительно произвел второй натиск жулябии.

— Да как же... Господи, — ведь давали то нам по 125...

— Чудак! Давали! Дать и я тебе дам за 125. Хоть свою минуту. Ты, брат, не забывай, что давать это одно, а брать совсем другое.

— Да ведь они в мае 200 будут...

— Это разумно! — лобзано рявкнула жулябия, — так вот даю тебе совет: гориши ее до мыса!

И тут жулябия круто вильнула на 180° и сделала вид, что уходит. Но на курьера уже надевали две новых ляпов. Бронзовый лик юго-восточного человека и расплывчатый бритый московский блин. Поэтому жулябия круто скрылся «заезд».

— Вот последнее мое слово. Чтобы не ходили ты тут и не страдал, даю тебе еще два рублика. Мой трамвай. Исклучительно потому, что ты — хороший человек.

— Давайте! — поклонулся в каком то отчалини курьер и двинул фуражку на затылок.

В бесконечных продолжавшихся стоянках крыши торговых рядов — бледный зефирный свет. На балконах язд фонтанов медный оркестр играет то иуденные вальсы, то какую то музыкальную грунтовость, — «полуприятель русских песен», от которой винут уши.

Вокруг фонтана непрерывно шаркают и шепчут. Их выкрики, ни громкого говора. Но то и дело прохладные фигуры начинают бормотать:

— Куплю доллары, продам доллары.

— Куплю заем, банкоты куплю.

И чаще всего, таинственное, настороженное:

— Куплю золото. Продам золото...

— Золото... золото... золото...

Золото по виду, золота не слышно, но золото чувствуется в воздухе. Незримое золото то ли тут бьется в крови.

Вынырывает в куче куртки валютический и начиняет почты шагом уходить по проходу в болото фонтана. За них танцует дурая фигура. В ухромом пустом углу у дверей, ведущих к памятнику Минина и Пожарского, остановка.

Изнутри кучного пальто словно волшебство высказывается золотой диск. Вот оно золото.

Фигура вертит в руках, озираясь, золото-туника с царским портретом.

— А она, того... хорошая?

Кучное пальто грецильно фыркает:

— Здесь не Сузаревка. Я их сам не делаю.

Фигура болезненно сириется, наклоняется и легонько бросает монетку, на пол. Мигновенный, ясный золотой звон. Золото! Монетка исчезает в кармане пальто. Купец пальто мнет и пересчитывает дензнаки. Быстро расходятся. И снова беспрерывное кружение у фонтана. И шепот, шепот...

золото... золото... ее...

Один из коридоров рядом загорен. У загородки сидят загадочно улыбающиеся граваданы с бледной кызылкой в руках. Угодно итии совершают операции на бирже, показывают билет за 40 лимонов. Вне огороженного пространства операции не воспринимаются ни в кой мере. Но ведь, неизвестно же людям запретить гулять в рядах зоне фонтана! А если люди бормочут словно во сне?

Опять таинственный криминал в этом обнаженном поле. Идет граваданы и шепчет, даже ни к кому не обращаясь:

— Куплю мелкие серебро...

Куплю мелкое...

Мало ли орнитолов!

Делают сомнаблических джентльменов появляются дамы салонного вида с тревожными глазами. Женщины чиновников — служащие вальтичины. Или пришли продать золотушки, что на черный день хранились в штопанных поясах в комоде или, обуравляемые желанностью, пришли купить одну-две монеты. Нажужжали знакомые в уши, что десятька растет, растет... растет... золото... золото...

— Золото, Мары! Иванна, падо купить. Это дело верное.

Мары! Иванна заскочила в темный угол в рядах. Мары! Иванна звяжет монеткой об пол.

— А она не обтертая?

— Вс, мадам... — обижается валютический,

довольно странно с вашей стороны, мадам!

— Ну, пы, не обижайтесь! Да вот царь

тут какой то странный. Выражение лица у него...

— Я, мадам, ему выражения лица не делаю. Обыкновенное выражение.

Мары! Иванна торопливо вытаскивает из сумочки скомканные бумажки. Монетка исчезает на дне сумочки.

Фигура болезненно сириется, наклоняется и легонько бросает монетку, на пол. Мигновенный, ясный золотой звон. Золото! Монетка исчезает в кармане пальто. Купец пальто мнет и пересчитывает дензнаки. Быстро расходятся. И снова беспрерывное кружение у фонтана. И шепот, шепот...

золото... золото... ее...

Одни из коридоров рядом загорен. У загородки сидят загадочно улыбающиеся граваданы с бледной кызылкой в руках. Угодно итии совершают операции на бирже, показывают билет за 40 лимонов. Вне огороженного пространства операции не воспринимаются ни в кой мере. Но ведь, неизвестно же людям запретить гулять в рядах зоне фонтана! А если люди бормочут словно во сне?

Опять таинственный криминал в этом обнаженном поле. Идет граваданы и шепчет, даже ни к кому не обращаясь:

— Куплю мелкие серебро...

Куплю мелкое...

Мало ли орнитолов!

Делают сомнаблических джентльменов появляются дамы салонного вида с тревожными глазами. Женщины чиновников — служащие вальтичины. Или пришли продать золотушки, что на черный день хранились в штопанных поясах в комоде или, обуравляемые желанностью, пришли купить одну-две монеты. Нажужжали знакомые в уши, что десятька растет, растет... растет... золото... золото...

— Золото, Мары! Иванна, падо купить. Это дело верное.

Мары! Иванна заскочила в темный угол в рядах. Мары! Иванна звяжет монеткой об пол.

— А она не обтертая?

— Вс, мадам... — обижается валютический,

довольно странно с вашей стороны, мадам!

— Ну, пы, не обижайтесь! Да вот царь

тут какой то странный. Выражение лица у него...

— Я, мадам, ему выражения лица не делаю. Обыкновенное выражение.

Мары! Иванна торопливо вытаскивает из сумочки скомканные бумажки. Монетка исчезает на дне сумочки.

— Да ведь они в мае 200 будут...

— Это разумно! — лобзано рявкнула жулябия, — так вот даю тебе совет: гориши ее до мыса!

По газетным столбцам.

Изволите ли видеть, почтенные господа эмигранты сие не знают, как им относиться к русскому народу. Простить или попасть, осчастливить синхронодонием или повернуть в пучину горя своим презрением.

Понимаете, читатель, — большой парад для эмиграции вопрос: каково наше отношение к современной России, в том числе к русским, которые там в смраде и болоте куют новую жизнь, многие из которых наши родственники или когда-то близкие друзья?

Пишут это «Новое Время», газета очень невоспитанная и неловкая, а потому и выставлены на смех сипхицким откровением то, о чём другие осторожно молчат.

Смысла того, что, выбывши из жизни, я отвечу: эмиграция присваивает себе роль верховных судьев над «современным русским народом и верховным распорядителем судьбы».

Ну, и пусть присваивают. Малыши велики, конечно, вещь опасная, — но опасная глазным образом для тех, кто ею болен.

* * *

Приятно отдохнуть, что и «Руль» горючо просматривает то, что туждели проблемы национального чувства.

После того, как мы замечали в своем первом номере отрывок из газеты г. Чхенде во время его визита в Россию, некоторые из наших читателей хотят знать, что же это за газета.

Чхенде пишет о том, что было сказано ими (конечно, без всякой ссылки на нас), не давайте ей денег, не слушайте ее голоса в международных делах, не обращайтесь к ней за помощью, не стесняйтесь толтать ее интересы!..

Чтобы знать, кто эти люди, достаточно просмотреть, увы, несколько номеров того же «Руль».

* * *

Приятно отдохнуть, что и «Руль» горючо просматривает то, что туждели проблемы национального чувства.

Для достижения своей цели г. Чхенде во первых, общая всем и каждому нефтяные источники Баку и Грозного, и во вторых, старается винить заграницей мысли о необходимости борьбы с Россией, как только в виду той опасности, которую она представляет для моего человечества.

Поэтому поводу газеты спрашивается:

В историю г. Чхенде войдет, конечно, как большой грузинский патриот. Не войдет ли он в нее еще в качестве немецкого русского предателя?

Боямся, что печальный ответ на этот вопрос предстоит логичной.

Но мысль эта, конечно, не имеет практического значения.

Но мысль эта, конечно, не имеет практического значения.